

УДК 167.2, 165.82, 123.1, 930.1

Никоненко С.В.,
доктор философских наук, профессор.
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: s.nikonenko@spbu.ru

На пути к новому интеллектуальному пространству: пост-историзм¹

Nikonenko S.V.,
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: s.nikonenko@spbu.ru

Post-Historicism: a Way to the New Intellectual Area

Аннотация. Пост-историзм выступает критической позицией по отношению лингвистически ориентированному историческому релятивизму. Теоретики пост-историзма подвергают критике дискурсивное понимание предмета истории, осуществляя парадигмальный поворот от языка историков к анализу исторического опыта. Конструируется не дискурс, а нарратив. На первый план выходит понятие метафоры.

Abstract. Post-historicism is a critical position in relation to linguistically oriented historical relativism. Post-historicism theorists criticize the discursive understanding of the subject of history, making a paradigmatic turn from the language of historians to the analysis of historical experience. It is not a discourse that is being constructed, but a narrative. The concept of metaphor comes to the topic place.

Ключевые слова: аналитическая философия истории, пост-историзм, нарратив, опыт, метафора, память, постмодернизм.

Keywords: analytical philosophy of history, post-historicism, narrative, experience, metaphor, memory, postmodernism.

В ходе исследования мы делаем попытку конкретизировать теоретические установки пост-историзма и обосновать два предположения: 1. Философия пост-историзма выдвигает принципиально иные теоретические принципы, нежели теория историцистского проекта; 2. Философия пост-историзма не всегда является последовательной критикой исторического релятивизма и субъективизма.

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РНФ 21-18-000174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

Одним из основных феноменов перехода от истории к пост-истории является отказ от помещения сознания историка в виде неподвижной «точки», по отношению к которой выстраивается «прошлое». Историк оказывается носителем опыта, существующего в моменте «сейчас» (актуального, современного), что дает целый ряд практических и теоретических преимуществ. Но само это положение «сейчас» а priori оказывается помещенным в текучесть подобных положений; поэтому положение историка как «транслятора» опыта прошлого может быть весьма спорным.

Проблема заключается в том, что, при кажущейся субъективности, опыт человека прошлого не является *полностью преходящим*. Мы будем неизбежно упираться в тот факт, что *подобный опыт, взятый как событие, мог бы случиться без необходимости быть проинтерпретированным историком*. На это можно возразить: тогда подобный опыт так и останется психологическим феноменом; он не приобретет никакого *исторического* измерения. В качестве контр-аргумента выскажем следующее: феномен опыта человека в прошлом оказывается необычайно устойчивым к любой интерпретации. Постмодернистский императив: деконструировать и переописать нарративы прошлого оказывается совершенно недееспособным. Хотя физические и психологические события нельзя уравнивать, к феномену исторического опыта вполне приложим аргумент Рассела о нейтральности астрономического объекта по отношению к любым возможным научным описаниям этого объекта. Так, опыт Цезаря не суть устойчивый и материально зримый объект, наподобие планеты Уран, он все же обладает *эпистемологическим иммунитетом* от стремления интерпретатора доказать, что он был «на самом деле» именно таким, как считает этот интерпретатор. В этой связи, постмодернистский проект в философии истории терпит неудачу. Нарративистский подход как завершение постмодернистской историографии совершенно справедливо включает в себя предположение, что историк работает не с событиями прошлого, а лишь с интерпретациями прошлого.

Этап постпостмодернизма в философии истории закрепил два фундаментальных положения относительно понимания того, что же было ошибочным в историографии постмодернизма. Во-первых, теоретики пост-историзма полностью уходят от рассмотрения исторического опыта как совокупности психологических актов опыта людей прошлого. Во-вторых, в пост-историзме наблюдается окончательное падение лингвистического подхода к опыту.

Поскольку феномен опыта прошлого не имеет завершенности в себе, он изначально является историчным. Любой самый замкнутый и частный опыт встраивается в совокупность уже существующих актов опыта и их интерпретаций. «Акта опыта прошлого» не существует, если под этим иметь в виду эпистемологический объект. Допустим, мы реконструируем момент биографии Цезаря и говорим: «Цезарь колебался по поводу того, стоит ли переходить Рубикон». Как мы полагаем, достижение эмпирической истины в виде точного установления того, каков был индивидуальный опыт Цезаря по этому поводу (если это возможно) не даст историку существенных дивидендов. Историография интуитивно права, когда интерпретирует этот момент биографии Цезаря в контексте нарратива военной истории; Цезарь воспринимается как полководец, а не как частный субъект. Исторический опыт – даже связанный с отдельной личностью – носит возвышенный характер уже потому, что он сразу выступает интерпретированным в рамках того или иного символического ряда. Исторический опыт – не психологическое, а, скорее, культурное («традиционное») событие. Он является таковым опытом в воспроизведении, подражании, особой «конгениальности», «сопереживании». Нарративная форма, романтизируя историю, поэтому, активно задействует «эпические» и «тропологические» подходы, в осуществлении которых

феномены сходства или отличия, принятия или отторжения, восхищения или презрения значат не меньше, нежели убежденность в истинности, достоверности, правдоподобности описаний.

Отказ от историцистского и интеллектуалистского подхода позволяет внести в историческое исследование умеренный *традиционализм*, эпистемологическим основанием которого выступает уникальность исторического опыта и субъекта как его носителя. Мы отныне - в рамках пост-историзма – уже не смотрим на древних греков как представителей самой «развитой» народности своего времени, а, скорее, воспринимаем их как носителей уникального и по-прежнему значимого для нас опыта. Здесь нет релятивизма, потому что не делается никаких утверждений о равнозначности или множественности дискурсов и интерпретаций. Так или иначе, приоритетной оказывается *реконструкция* опыта, понимаемого как разворачивающееся во времени «иное». Можно предположить, что главным историческим методом выступает реконструкция исторического опыта через *продуктивное воспоминание*. На арене исторического сочинения преследуется стремление предоставить «голос» фрагменту прошлого, «оживить», «очеловечить» его.

Ретроспективизм в нарративном подходе заключается в стремлении историка *пересказать* определенную совокупность событий прошлого в виде *текстуальной целостности*. Наподобие того, как эпос буквально не воспроизводит события героической борьбы народа, подчиняя все события поэтической форме и общему пафосу, нарратив *не является ни воспроизведением, ни осмыслением прошлого*. Нарратив выступает *репрезентацией* прошлого в том виде, как его понимает историк, но непременно в виде «нарративной субстанции», т.е. целостного, панорамного, типического воззрения, сочетающего аспекты обобщения и интерпретации. Целостность нарратива как исторического текста (повествования, рассказа) базируется не на лингвистическом, а на «эстетическом» (в кантовском смысле) принципе: ее фундирует *присущее описываемому ряду исторических событий единство опыта – как действующих лиц этих событий, так и историка-интерпретатора*.

Одно из противоречий нарративного подхода заключается в том, что значительный потенциал для создания обобщающих историй распадается на частные «*микроистории*», в рамках которых рассматривается либо заведомо специфический аспект представленного исторического периода (например, жизнь и быт гладиаторов), либо «сквозная тема» (например, история женщин), позволяющая выстраивать вокруг нее весьма обширный дискурс, практически независимый от ограничений места и времени.

Хотя нарративизм в аналитической философии истории декларирует себя как новую постисторическую позицию, освободившуюся от дискурсивного релятивизма, в ней сохраняется свойственное постмодерну понимание историка не как ученого, исследователя, а как *автора*. Выдвинутый Х. Уайтом тезис о значимости исторического воображения, предельно толерантное отношение к свободе интерпретации делает авторскую оригинальность канонической для создания нарратива. Нарратив – это возможность представить совокупность исторических событий в новом свете, когда уникальными являются не описываемые события, а то, как они связываются в единую интерпретационную схему. Однако, словно осознавая опасность авторского произвола в постструктуралистском подходе, Анкерсмит неоднократно отмечает, что «постмодернизм» для него – не школа или направление, а мировоззренческая установка, предельно широкий интеллектуальный подход наподобие позитивизма или Просвещения. Преодоление постмодернизма, по Анкерсмицу, достигается в случае обретения трех установок: 1. Исторический опыт есть нечто *большее*, чем языковое выражение; поэтому его изучение

требует выработки новейших эмпирических, не-лингвистических подходов (что и реализуется в концепте «возвышенного опыта»); 2. При максимальной степени свободы историк, как автор, *не является столь же маргинальным*, как литератор; поскольку он творит нарратив (понимаемый не как вымысел, а как репрезентацию прошлого, пусть и частично выраженную в виде эстетической формы); 3. Исторические феномены, равно как и опыт людей прошлого обладают неэлиминируемой суверенностью, имеющей иммунитет от любого переописания.

Подобная точка зрения в настоящий момент уже сложилась как завершенная методологическая концепция. Также наблюдается постепенное снижение значимости деконструктивистских и маргинальных исторических разработок. Вместе с тем, становится очевидной дробность и измельченность микроисторических проектов. На наш взгляд, к началу XXI в. аналитическая философия истории и историография пришли к убеждению, что постмодернистский маргинальный подход и детализированная конкретизация микроистории выступают двумя крайностями, между которыми следует проложить некий «средний путь».

В завершение выскажем две ключевые идеи относительно исторического пространства после заката пост-историзма, которые находятся уже «по ту сторону» постмодернизма и его критики. Это идеи *исторической памяти* и *метафоры*. Теория метафоры в аналитической философии заложена Дэвидсоном, выдвинувшего точку зрения о наличии специфически метафорического употребления слов и высказываний. Применительно к философии истории теория метафоры включает в себя *символическую* трактовку исторических понятий и обобщений, согласно которой метафора позволяет «репрезентировать» прошлое; к примеру, «Ренессанс» понимается не только как концепт, но и как попытка освоения, приспособления исторической действительности. Исторические метафоры, получается, маркируют прошлое, но не как знаки, а как символы; они наполнены «эйдетическим» содержанием, поскольку «эстетизируют» прошлое в виде эмблематически, непосредственно схватываемых, образных слов, которые, будучи расплывчатыми и неопределимыми с рациональной точки зрения, оказываются понятны и созвучны нашему опыту. Тем самым, исчезает зазор в понимании между прошлым «самим по себе» (или описываемым прошлым) и его репрезентацией. Символизация исторического периода как «эпохи Ренессанса» значима для нас не менее, нежели для творцов и участников этой эпохи, поскольку позволяет нам в виде емкого метафорического слова схватить «общий ход», «лейтмотив» исторического периода. Посредством метафоры выстраивается коммуникативная связь между «прошлым» и репрезентацией этого прошлого, между «событиями» и «нарративом». Пост-исторический «режим» рассматривает «настоящее» открывающимся для возможностей прошлого и, как таковое, встраивается в цепочку, постепенно сменяющих друг друга модусов «исторического чувства». Налицо принципиально иной язык и дискурс, где выстраиваются не лингвистические, а «опытные» каналы исторической коммуникации. Нарратив только репрезентирует и интерпретирует содержание опыта и памяти, а его метафоры стремятся, в сущности, не постичь прошлое, а оставить его предельно не затронутым.

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф.Р. (2003), История и тропология: взлет и падение метафоры. Москва: Прогресс-Традиция.
2. Анкерсмит, Ф.Р. (2007), Возвышенный исторический опыт. Москва: Изд-во «Европа».
3. Бёрк, П. (2016), Что такое культуральная история? Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
4. Тош, Дж. (2000), Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. Москва: Изд-во «Весь мир».
5. Уайт, Х. (2002), Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, Изд-во Уральского университета.